

зательно подумает, что рабочий должен знать свое место, и не лезть в руководящие работники. Но изменит ли секретарь Петржишка известное изречение Горького "Человек - это звучит гордо!" в лозунг подхалимов "Подчиненный - это звучит кланг гордо!", бросит ли он такую реплику "Экономить, экономить, во чтобы то ни стало!" или когда Петржишек в апофеозе мании величия выдает за извечные истины бессмысленную болтовню, то вряд ли эти взрывы смеха мы отнесем на счет обывателей. Но если при этом смеются и обыватели, то это не значит, что смех является проявлением их костности, колеблющиеся обыватели, как мы знаем из работ Ленина, всегда склоняются на сторону сильного. Если же сатира бичует отрицательные стороны, в которых растерявшийся и несознательный обыватель ошибочно видел суть социализма, сущность власти рабочего класса, то его смех может стать и проявлением того, что рушатся преграды, которые мешали ему от всей души признать правоту наших идей.

Кажется мне, что и с этой точки зрения нужно задуматься над обывательской проблемой, которая в нашем чехословацком обществе остается самой насущной и злободневной, которую мы должны решить при помощи активного идеологического воспитания, опирающегося на деловой анализ, при этом мы не должны забывать ни мужичку в шляпе, ни обывательских беспринципных соглашателей, которые с готовностью поднимают руку против последовательной критики. А настоящий закоренелый обыватель, как нас ежедневно старается убедить капиталистическая пресса, тот только ежится, как от холода.